

Вера Охотникова

Охотникова Вера Александровна родилась в 1953 г. в селе Коптелово Свердловской области. Окончила художественно-графический факультет Нижнетагильского педагогического института. Работает преподавателем художественного отделения детской школы искусств. Стихи публиковались в журналах «Урал», «Южная звезда», «Арион». Автор книги стихов «Божественный след» (Екатеринбург, 2005). Участница АСУП-3. Живёт в поселке Половинном возле города Верхний Тагил.

Филологическая маркировка стихов В.О.

Традиции, направления, течения: реализм, модернизм, обэриуты, тихая лирика, постмодернизм.

Основные имена влияния, переклички: Г. Иванов, Н. Заболоцкий, Б. Пастернак, Б. Окуджава, И. Лиснянская.

Основные формальные приемы, используемые автором: реалистичность, философичность, авторефлексия.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: то-пос провинции, природа, времена года, быт, оппозиции душа/тело, счастье/беда, красота, Бог.

Творческая стратегия: переосмысление поэтических клише и штампов.

Коэффициент присутствия: 0,3

АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ ЭССЕ

...Первые рифмы посетили меня в классе шестом: Люблю с петухами вторыми вставать и синее небо рукой доставать.

Интересно, в котором часу пели вторые петухи? Поспать я любила всегда. Мама будит меня, а я, досматривая сон, мямлю: «Сто рублей бы отдала, лишь бы не вставать». Мама парирует: «Давай деньги да ложись обратно».

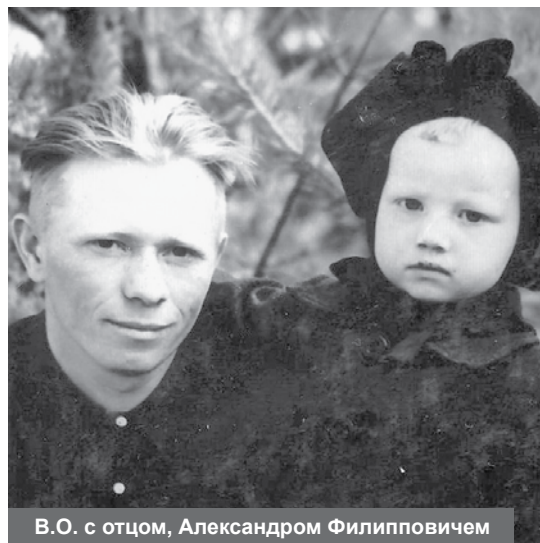
У меня типичная среднестатистическая био-

графия: школа, институт, снова школа (теперь за учительским столом и на всю оставшуюся жизнь), муж, дети, картошка, чёрная смородина, лопухи, крапива... И три десятка лет никакой поэзии, сплошная проза. На советский строй сваливать не буду. Я его любила, я в нём жила, он жил во мне. Мы ходили с рюкзаком в горы, по рекам, по морям, ездили на север, на юг, на запад, на восток.

Поэзия копилась, пока не вырвалась наружу. Когда это произошло, я узнала много интересных людей – Майю Никулину, Евгения Касимова, Юрия Казарина. Пространство стало иным: оно стало звучащим.

Казарин, будучи руководителем Союза писателей, в 2005 году организовал в Екатеринбурге пятисуточный поэтический марафон, который связал незримой нитью толпы людей, неравнодушных к поэзии. Живых поэтов я тогда увидела впервые. Марафон для меня затянулся... Смыслом жизни стало разгадывание загадки – что такое поэзия. Она почему-то никуда не вмещается, живёт, наверное, там, куда взгляд не проникает, рука недостаёт и ухо расслышать не может, она всё время играет с человеком в прятки. Когда приближаешься к ней, чуешь одни сплошные намёки. А так хочется плотского, на ощупь осязаемого, чтобы люди поверили, и самой поверилось, что обмана в этих строчках минимум.

Детство запомнилось не весёлой беззаботностью, а, напротив, печалью до отчаяния, любовью до бесконечности. Сейчас всё это снова переживается вместе с моими учениками. Мне выпало счастье наблюдать, как прорезываются робкие пёрышки первой любви, как вырастают крылья

В.О. с отцом, Александром Филипповичем

В.О. в студенчестве

творческой личности. Взрослые – скучные люди. Они знают, что любовь, к сожалению, кончается, добрая половина происходящего – предсказуема. А детство, оно насквозь пропитано ожиданием чудес. Соль солонее, сахар слаще. Боль острее вдвое, а радость радостнее в тысячу раз.

Кажется, Зигмунд Фрейд сказал, что великим учёным его сделала любовь матери. Меня человеком сделала любовь отца. Папа был лесничим, он подарил мне лес. Я наблюдала путь соснового семечка от шишки и до самого неба. До сих пор часто перед глазами встают ровные лесопосадки, стрелообразные тяжёлые лопаты, которыми делают ямки для высаживания сосновой рассады. И даже дикорастущий бор совершенно беспорядочным только кажется. Он соразмерен лосиному шагу, потому что благородное животное копытом вдавливают в землю сосновые семена.

От папы – страсть к лошадям, к мотоциклам, к сенокосу; знание лекарственных трав, птичьих повадок, звериных следов, погодных капризов.

Отец обладал удивительным свойством души – ко всему относиться с добрым юмором. Жили мы в селе Коптелово Свердловской области. Помню, заходит соседка во двор и спрашивает:

– Что это у Вас, Александр Филиппович, Рекс даже ни разу не взлаял, когда я воротами хлопнула?

Папа отвечает:

– Он у нас осердится – дак по неделе ни на кого не лает.

А однажды мы с братом занялись подсчитать, сколько папа денег потратил на курево, и докладываем ему:

– Ты за свою жизнь прокурил столько, что хватило бы на легковую машину.

На это он, хохотнув, отвечает:

– Да бросьте вы, ребята, считать, я уж не одну машину пропил...

Сосновый бор шумит во мне всю жизнь, в этом шуме я различаю папин голос, он сливается с

голосом моей совести, оценивая поступки, слова, стихи. Он подсказывает: поэзия – это и есть жизненная истина. Докопаться до неё невозможно. Всё же копать надо. И в глубь Земли и в высь Неба.

Человек – создание ищущее. Ему всегда всего мало: «лирически творческого восторга», о котором говорил Пастернак, не хватает, хочется чего-то иного, порой сам не знаешь чего. И прислушиваешься к жизни, и присматриваешься. Потом Оно появляется Само там, где и не ждёшь, будто вырастая из-под земли. Или это всего лишь нас возвышающий обман, который становится дорожке реальности? А, может, реальность приобретает качества обмана и становится трудно различить, где обман, где истина?

Ищешь истину повсюду, надеясь в итоге найти свою сокровенную суть: разрываешь себя на части, устремляясь то к живописи (как она необъяснима!), то к поэзии (сколько она загадочна!), то к музыке, которая в принципе непостижима. Делишь сердце на части, чтобы хватило на всё: на детей, на друзей, на лес, на театр, на картошку, на смородину, на порисовать и почитать. Пережить все любви и выдержать груз непомерного счастья жизни.

Стою на берегу реки под названием Время и стараюсь уловить её волнения, оттенки, звуки, запахи, которые несёт она вдаль, туда, где наши внуки будут вести за руку наших правнуков, и кто-то из малышей обязательно скажет:

– Мама! Погляди, как солнышко на дорожку смотрит!